

Подтексты надо играть

> Сегодня в драматическом театре имени А. С. Пушкина

НЕТ ПОВЕСТИ печальнее, но и прекраснее на свете... Вот и огромный баннер над драматическим театром словно напоминает об этом. Новая масштабная постановка «Ромео и Джульетта» наверняка вызовет у зрителей множество споров. Оно и понятно: спектакль на вечную тему сделан в броской манере – это современное воплощение на сцене шекспировской трагедии, этакая trash-history с разборками юных, читающих рэп, полных энергии, безудержной игры, иронии, юношеского максимализма и остроты чувств.

Режиссер спектакля – Максим Кальсин из Москвы, ученик великого Камы Гинкаса. Максим Георгиевич известен магнитогорским театралом: в свое время он выпустил в театре спектакль «Полковник Птица». Художником Алексеем Вотяковым придуманы декорации, просто потрясающие воображение. Естественно будет звучать в «Ромео и Джульетте» и музыка, пробирающая до глубины души, специально написанная к спектаклю магнитогорским композитором Евгением Корсуновым.

– Ромео и Джульетта – это вечная история на тему всепообеждающей любви. А что еще, по большому счету, в театре интересно? И что вообще интересно в жизни со времен возникновения человечества? – рассуждает художник-постановщик спектакля Алексей Вотяков. – В новой постановке задействована почти вся труппа. Кроме того, к работе привлечены студенты третьего курса актерского отделения Магнитогорской государственной консерватории. Двое из них – Иван Погорелов и Андрей Емельянов – играют Ромео.

По-разному в разные времена постановщики преподносили зрителям знаменитую трагедию. История на все времена в драматическом театре имени А. С. Пушкина будет «рассказана», в том числе, и посредством пластики: в спектакле много танцев, поставленных на стыке разных хореографических жанров. Не случайно в театр из Санкт-Петербурга приехала известная балетмейстер, лауреат международных конкурсов Мария Большакова. В ее творческой биографии огромный опыт сотрудничества с драматическими театрами и более 40 поставленных спектаклей. Список солидный: почти все известные питерские сцены, включая Мариинку, в Москве – Большой и Таганка. А также работы в Красноярске, Самаре, Сыктывкаре, Магадане, Саратове. У Большаковой насыщенный рабочий график, она востребованный хореограф – переговоры театра с балетмейстером о новом совместном проекте длились почти год...

– Мария Анатольевна, как вы познакомились с магнитогорским театром?

– Знакомство состоялось благодаря моему другу Сергею Пускепалису, в то время работавшему главным режиссером драмы. Он предложил сделать хореографию к спектаклю «Не скажу». На тот момент в Челябинском театре оперы и балета ставился балет «Слуга двух господ». До сих пор помню, как Сергей вез меня из Челябинска в Магнитку: ехали на машине, потом остановились в степи, и я увидела сплошное белое поле. Меня просто шокировал этот простор, какое-то безумие снежного покрова, уходящего за горизонт. После «Не скажу» была хореографом еще одного вашего спектакля – «Ночь перед Рождеством». Так что первые воспоминания, связанные с Магнитогорском, хорошие.

– Чем вызван ваш интерес к постановке «Ромео и Джульетта»?

– Спектакль во многом построен на пластике, конечно, мне это интересно. Но занималась не только постановкой танцевальных номеров: поведение всех персонажей пьесы связано с психофизическим действием, с ярким пластическим выражением того или иного состояния.

Это такая пластическая режиссура. Однако драматических актеров нельзя обречь на чисто пластическое существование на сцене. Для них текст – более привычная вещь, и, в принципе, нет смысла делать из спектакля «пантомиму». Потому что такую историю любви нужно еще и сыграть. Без сомнения, «Ромео и Джульетта» – большой проект, который вызывает творческое «шевеление» внутри. Очень хочется, чтобы после премьеры люди сказали: «Вот это да! Как здорово!»

– В свое время, когда театр брался за мюзикл «Человек из Ламанчи», – было страшно, но проблема казалась решаемой: актеры у нас поющие. А вот насколько они у нас танцующие? И так ли важно будет их умение передать свои чувства, эмоции, переживания посредством хореографии?

– Конечно, работать с артистами, которые тебе доверяют, находятся в диалоге, не боятся искать и идти на определенный риск, – всегда приятно. Есть актеры, которые внушают оптимизм по части мастерства и природной хореографической одаренности. В результате получаются интересные пластические образы. Но всегда категорично настаивать на чем-то – нельзя. Особенно, если понимаешь, что в данной ситуации прав тот или иной человек. Как ни крути, спектакль со временем начинает жить своей жизнью. Он рождается, а потом диктует права: что-то выносит, что-то отсекает. Технически сделаешь какие-то сцены, а потом видишь, что это неправда, ложь, артисту в ней неудобно существовать. И сколько бы «пристроено» ни придумал, все равно это «коровье седло». Что-то немного меняешь, и всем сразу становится хорошо и удобно.

– В разные времена постановщики по-разному преподносили зрителю знаменитую трагедию. Про что наш спектакль?

– Однозначно, про любовь. Хотя сначала рассматривался и другой вариант: сделать историю про вражду и месть, в которых нет места любви. В мире, где люди способны так ненавидеть друг друга, любви просто не выжить. Но, считаю, спектакль должен вселять веру в людей. Пусть не надежду, но веру – обязательно. Поэтому наша постановка – про любовь.

– Вы начинали как современный хореограф...

– Да, это правда.
– **И произошло?**

– Как меня занесло в классический балет? Этого я и сама не знаю (смеется). Так получилось. Поначалу были неформальные современные танцевальные объединения, занималась разными направлениями джаз-модерна, все время ездила на семинары. И в Польше была, и в Югославии училась. А потом поступила в консерваторию, и мне стали интересны другие вещи, тем более что в детстве занималась классическим балетом. Но со временем начала совмещать классическую пластику с ультрасовременной.

– Талантливый танцор – это понятно. А вот каков в вашем понимании умный танцор?

– Главное, чтобы это не читали артисты балета (смеется). Все зависит от того, что ставишь. Иногда просто нужна красивая фактурная «картинка» с прекрасными физическими данными. И тогда экспериментируешь с формой, ставишь хореографию на какой-то определенной графике тел. В этом случае, чем меньше артист задает вопросов и чем точнее делает те или иные вещи, тем лучше. Однако мне интереснее работать с человеком, с которым есть о чем поговорить. Безусловно, танцор должен быть развитым, образованным, умным и обязательно – с чувством юмора.

– Вы согласны с тем, что у хореографов должны быть мозги киллера?

– Наверное, больше нет, чем да, потому что хореограф не ставит своей задачей «убить» артиста. Цель – раскрыть, выгнать из человека то, что нужно, то, что у него есть на втором, третьем плане. Может быть, в какой-то степени